

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ: ФИЛОСОФИЯ ПОСЛЕДНЕГО КЛАССИКА. ЛЕКЦИЯ

Алексей Павлович Козырев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
info@philos.msu.ru

Публикация подготовлена на основе открытой лекции, прочитанной 8 апреля 2022 г. в центре «Церковь и международные отношения» МГИМО и.о. декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.П. Козыревым. Разбирая вопрос о значении наследия В.С. Соловьёва (1853–1900) в русской философии, лектор характеризует философию Соловьёва как завершение европейской философской систематики, отмечает синкретический характер его учения, а также влияние платонизма, гностицизма, герметизма, раннего христианства на мысль «Оригена XIX века», как называли Соловьёва современники. Приводятся характеристики мысли Соловьёва, данные отдельными современниками и представителями последующих поколений русских философов — С.Н. Булгаковым, Г.В. Флоровским, Ф.А. Степуном, А. Кожевым и др. В ответах на вопросы по завершении лекции уточняется ряд существенных положений философии Соловьёва, касающихся ключевых вопросов истории и современности.

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность руководителю центра «Церковь и международные отношения» МГИМО к.ист.н., доценту В.В. Печатнову за участие в организации лекции и помощь в её подготовке к публикации.

В.В. Печатнов: Имя нашего гостя и его должность известны всем присутствующим. Хочу добавить, что кроме деканских обязанностей и преподавания, Алексей Павлович имеет ещё одно общественное служение, являясь ведущим еженедельной программы «Философские ночи» на радиостанции «Вера». Лекция Алексея Павловича, как вы знаете, посвящена рус-

ской философии и все здесь присутствующие понимают, насколько эта тематика актуальна в настоящий момент, потому что сейчас у нас открывается возможность обрести духовную независимость от современного Запада. Один из важнейших путей такой независимости — это знание отечественной философии, которую наш яркий философ, отдавший немало сил для подго-

товки дипломатов, Константин Михайлович Долгов назвал высшей мыслью культуры! Алексей Павлович, Вам слово!

А.П. Козырев: Спасибо большое, но я всё-таки считаю, что личность Владимира Соловьёва не самый удачный пример для обретения независимости от Запада, поскольку его жизненный путь, его духовный путь — это путь, альтернативный пути Данилевского, других представителей русской цивилизационной мысли. Ведь они пытались разделить историю на череду цивилизаций. Данилевский выделял десять культурно-исторических типов, последний из которых — германо-романский, а на смену ему должен был прийти четырёхосновный славянский культурно-исторический тип. Но Соловьёв был противником Данилевского и писал о нём критические статьи, вошедшие в его двухтомник «Национальный вопрос в России», в которых называл концепцию Данилевского «ползучей», противопоставляя ей свою, «крылатую», концепцию, которая представляет мировую историю как единый процесс. Историю можно видеть по-разному, в зависимости от того, с какой точки зрения мы на неё смотрим. Да и сам Данилевский не отвергал наличие всечеловеческого в истории, которое надо противопоставить общечеловеческому, поскольку человек в разные эпохи, в разных культурах всё-таки остаётся человеком. Когда мы с вами читаем египетскую любовную лирику второго тысячелетия до Рождества Христова в переводах Веры Потаповой и Анны Ахматовой, то мы видим, мы даже чувствуем, что там речь идёт о тех же проблемах, в которых живём и мы сейчас, поэтому, члени культуру на преходящие цивилизации, мы должны видеть, что в ней есть некая единая нить.

Владимир Соловьёв был человеком универсального, вселенского типа. Начав со славянофильства, Соловьёв заявил себя критиком западной философии, его магистерская диссертация «против позитивистов» называлась «Кризис западной философии», тем самым он обнадёжил Каткова, Страхова и других представителей славянофильского лагеря, что явился новый молодой лидер, что он подхватит уже пошатнувшееся знамя ранних славянофилов.

Но Соловьёв достаточно быстро примкнул к лагерю западников, как это казалось, и в 1880-ые гг. начал отстаивать либеральные ценности — права человека, универсальный взгляд на историю, провозгласил идею объединения церквей. В связи с этим он является действительно уникальным русским мыслителем, поскольку специфику русской идеи Соловьёв увидел именно в том, что Россия должна фактически отречься от своего, если своё у неё действительно имеется, стать мостом между Востоком и Западом, православием и католичеством. Русская идея Соловьёва — мост между Ватиканом и Зимним дворцом, как сказал Розанов, то есть — соединение папства и царства. Папство как престол апостола Петра (Мф 16:18) и царство как идея империи, о которой говорил Данте в своём трактате «О монархии», и о которой говорил современник Соловьёва, великий дипломат и поэт, Фёдор Иванович Тютчев. Соловьёв был сторонником идеи всемирной империи — теократии, понятой как триединство царя, священника и пророка. Но дело не в том, что он из славянофилов перешёл в западники и стал публиковаться в «Вестнике Европы» Стасюлевича, а потом снова пошёл к каким-то другим берегам: эсхатологическому мировоззрению в «Трёх разговорах». Дело в том, какой механизм, какую движущую силу Соловьёв видел в истории. И эта движущая сила во многом отличалась от западного понимания развития истории как прогресса. Под прогрессом понимается прежде всего прогресс материальный, прогресс форм производства, совершенствование системы общественных отношений. Соловьёв же говорил не о прогрессе, он говорил о Христе, богочеловеческая личность которого, понимаемая как воплощение универсального в индивидуальном, является эталоном истории. В книге «Религиозные основы жизни» Соловьёв последнюю главу называет «Образ Христа как проверка совести». Если ты принимаешь какое-то решение, открой Евангелие и узнай, как бы поступил Христос. Это очень необычно для философа, который, как правило, использует абстрактные конструкции, логический инструментарий, работает с понятиями, а не с идеями. Необычно об-

ратиться к живой и конкретной личности богочеловека, в попытке помыслить историю как процесс перехода человека от его звериного состояния к богочеловеческому состоянию. Об этом писали многие философы в разные эпохи: например, Кант писал о мире и об отказе от войн в результате взросления человечества. Этой позиции придерживается и Дипломат в «Трёх разговорах», призывающий к вежливости и вежливой честности. При этом Соловьёва не удовлетворял нехристиоцентричный идеал вечного мира. Такой идеал предполагает, что люди ввиду своих моральных качеств подавят в себе жестокость, будут улыбаться друг к другу и сменят вражду на дружбу, но это означает, что зло есть нечто, что можно одолеть простыми человеческими усилиями.

Был спор Пелагия с Августином: Пелагий полагал, что человек сам может стать лучше, морально совершенствуясь, Августин же считал, что для этого необходима божественная благодать. Данный спор можно спроецировать на спор Льва Толстого и Владимира Соловьёва. Толстой стоит на пелагианской моралистической позиции, а Соловьёв — на позиции Августина, утверждая, что для того, чтобы бороться со злом, необходим метафизический рычаг. Соловьёв начинает «Три разговора» с размышления о том, является ли зло только недостатком добра, неким призраком, который легко устраним, или же зло — это реальная сила со своей субстанцией и своей сущностью, и может быть побеждено не абстрактным добром, но богочеловеком. Поэтому «Три разговора» с приложением краткой повести об антихристе — это не просто пророчество о финале мировой истории, где антихрист выступает под маской социалиста, гуманиста и филантропа, где он — политик, президент Соединённых Штатов Европы, готовый православным открыть ризницы, католикам вернуть папство, протестантам создать институт по из-

учению Библии. Только лишь стоит поклониться ему как Богу. Эта идея поддельного добра. «Не всё золото, что блестит» — такова сентенция, приводимая в «Трёх разговорах». Соловьёв говорит нам о том, что зло принимает духовный облик. Это не количество средств и благ, которые производит человек, но то, во имя чего они делаются, что ставится во главу угла. В 2020 г. на Берлинском кинофестивале был показан фильм «Мальмкрог» румынского режиссёра Кристи Пуу по тексту «Трёх разговоров», действие которого происходит не под пальмами Ниццы, где Соловьёв начал работать над произведением в 1899 г., а в некоей условной усадьбе в стиле XIX в. Поэтому данное произведение удивительным образом выходит за рамки чисто философской литературы в массовую культуру.

Соловьёв выступил с этим текстом в преддверии своей кончины (а умер он буквально через несколько месяцев после публикации книги), и эта книга стала чем-то вроде культурного завещания. Соловьёв читал «Краткую повесть» в зале Петербургской городской думы 26 февраля 1900-го г., после чего студенты прислали ему письмо, предположив, что профессор сошёл с ума. «Краткая повесть об антихристе» была воспринята как беспочвенная фантазия, а через три года началась русско-японская война, Россия потерпела поражение под Цусимой... А с чего начинается «Краткая повесть об антихристе»? С нашествия монголов, панмонголизма. Европу завоюют вожди с Востока:

От вод Малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков¹.

Речь здесь идёт о японцах, о пассионарной нации, выходящей на мировую арену в конце XIX в., во время правления династии Мейдзи. Конечно, не Соловьёв этот панмонголизм придумал. Статьи о восточной угрозе начинают появляться в правовон-

¹ Соловьёв В.С. Панмонголизм (1894) // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Ленинград: Советский писатель, 1974. С. 104.

сервативной печати, а поздние годы Соловьёва характеризуются его отходом от круга либералов и сближением с правыми. Стихотворение написано в самом начале кровопролитной японо-китайской войны. Историки назовут это время в истории Японии эпохой «консервативной революции» — с обращением к своим национальным ценностям, но при стремительной вестернизации. В Токийском университете создаётся кафедра философии, куда приглашают Рафаэля фон Кёбера, русского немца из Нижнего Новгорода, который был учеником по классу композиции П.И. Чайковского, закончил московского консерваторию, и который потом, потеряв своего двоюродного брата (покончил жизнь самоубийством), уехал в Германию, стал учиться философии у Куно Фишера и Эдуарда фон Гартмана. Там же он издал шесть книг по философии, написал диссертацию по философии Шопенгауэра. В 1893 г. министр иностранных дел Германии порекомендовал его кандидатуру японскому правительству, и Рафаэль фон Кёбер нехотя поехал в Токио, заключив контакт на три года, как бы на прогулку, и остался там навсегда, потому что в 1914 г., когда он подал заявление об отставке, началась Первая мировая война. Человек с русским паспортом пережил русско-японскую войну в Токио, преподавая философию в Токийском университете. На момент революции 1917 г. у него всё ещё был паспорт царской России. Умер он в 1923 г., его похоронили на кладбище Дзёсига. Можно сказать, что Рафаэль фон Кёбер — это японский Владимир Соловьёв: японцы почитают его как основоположника японской философии. Крупный философ Китаро Нисида, написавший книгу «Изучение добра», был учеником Кёбера. Кстати говоря, Кёбер, как и Соловьёв, перешёл из православия в католичество, о чём в своих дневниках упоминал святитель Николай Японский. Эмиль Метнер называл японцев — «новые эллины». На Японию на Западе смотрели как на просыпающуюся цивилизацию. И когда началась русско-японская война, то сразу вспомнили о пророческих эпизодах соловьёвских «Трёх разговоров». По его сценарию этих самых монголов в Европе побеждает некий масонский заговор,

вслед за которым устанавливается александрийский синкретизм. Европа отказывается от христианства, а её мировоззрение представляет собой некоторый эклектический нью-эйдж, это — следующий этап.

Соловьёв неоднократно бывал в Европе. Первая его поездка состоялась после защиты магистерской диссертации с официального разрешения после подачи прошения о командировке в Лондон для подготовки докторской диссертации. Соловьёв отправился в Лондон по причине наличия там богатейшей библиотеки с коптскими папирусами, содержащими древние гностические тексты. Философ намеревался сделать гностицизм предметом своей докторской диссертации, поскольку его университетский учитель — профессор церковной истории священник Иванцов-Платонов — защитил и издал диссертацию «Ереси и расколы первых веков христианства». Именно первые века христианств, время его зарождения, время до вселенских соборов, время апологетов и учителей, интересовало Соловьёва как христианского философа. Не случайно современники называли его «русским Оригеном XIX века». Та же эпоха интересовала не только Соловьёва, но и европейских интеллектуалов Альбера Камю или же Ханса Йонаса. Время перемен, перехода от одной эпохи к другой, — так мыслил Соловьёв и свою эпоху. Он поехал в Лондон, а потом через всю Европу добрался до юга Италии, откуда на корабле доплыл до Каира («На Льон, Турин, Пьяченцу и Анкону, / На Фермо, Бари, Бриндизи — и вот / По синему трепещущему лону / Уж мчит меня британский пароход», — писал он в «Трёх свиданиях»), где зиму 1875–1876 гг. работал над трактатом «мистико-теософо-философо-теурго-теософо-политического содержания», как сам он его называл, озаглавленным «София». После он переехал в Сорренто, где провёл ещё около двух месяцев, вернувшись домой до окончания срока командировки через Париж из-за материальных проблем. Возникает вопрос о причинах такого путешествия. Он отправляется в район восточного гностицизма, в Фиваидскую пустыню в Египте (где позднее, в 1945 г., в районе деревни Наг-Хаммади, недалеко от Кены, будет найдена библиотека — свод гностических

папирусов); после он отправится на Сицилию, в район западного гностицизма, где находили загадочные амулеты, куда совершали гностические экскурсии различного рода аристократы. Всё вышеперечисленное вполне укладывалось в его интеллектуальную программу, но возникает вопрос: чего всё-таки хотел Соловьёв?

Я бы сказал, что Соловьёв — это последний классик европейской литературы после Гегеля, потому что классическая философия предполагает построение некоего цельного здания: его непреременные разделы — это метафизика, этика и логика. Философ-классик должен не просто высказать ряд идей или предложить туманный проект, он должен подробно разработать три раздела философского знания. Соловьёв в этой же традиции стремиться поступательно разработать все три раздела, хоть и не во всё достигает успеха. Метафизика и логика остались скорее в состоянии набросков («София», «Философские начала цельного знания», «Чтения о богочеловечестве», последний раздел «Критики отвлеченных начал»), — в отличие от этики, целостно представленной в «Оправдании добра». Представление о том, что мир может быть описан некой универсальной системой, он называл вселенским учением; в центре такой системы лежит абсолютное первоначало всего сущего, которое есть Бог. Оно раскрывается и формирует весь мир. Это определённо классическая философия, поскольку постклассическая ведет себя совершенно иначе. Она берёт какое-то начало (например, воля у Шопенгауэра), островок смысла, например, символ, через который прорабатывается бытие. Соловьёв же — последний систематик европейской философии. Когда Розанов обвинит его в эклектизме, Соловьёв ответит ему: «Я не эклектик, я синкретист». Это новый сплав, новая мысль, где, как в тигле, воедино соединяются разные продукты: платонизм, раннее христианство, гностицизм, герметизм. Когда мы говорим, что Соловьёв — последо-

ватель Шеллинга, взявший свою систему у немцев, то это верно лишь отчасти. Он конечно берёт у Шеллинга и Гегеля формулу «Одно и всё», «Одно во всё», — правда, она встречается и у Шлегеля, и у Гёте есть стихотворение, которое так озаглавлено. Но это не немецкая формула, а греческая, что-то более глубинное. Мыслить абсолютное начало как единое есть принцип монизма. Но и как соотносящееся со многим, многое единство — плюрализм. Совмещение же этого в монодуализме — философия Соловьёва, что пересекается с философией Парменида, элеатской школой. Бытие как единое, в котором структурируется многое. Поэтому мысль Соловьёва — это не просто рецепция нескольких предшествующих этапов немецкой классической философии. Это стержень, пробивающий вглубь человеческой мысли.

Одно из наиболее известных стихотворений Соловьёва — «Три свидания». Описывает видения Софии. Стихи несколько шуточные, представляют смесь комической и серьёзной поэзии. Первое видение Софии — в девять лет во время службы в храме в праздник Вознесения. Точное место этого видения нам неизвестно, но возможно это домовый храм Марии Магдалины в Коммерческом институте на Остоженке, где служил священником дед философа. Второе видение произошло в Британском музее, где он читал литературу о Софии: Георг Гихтель, Джон Пордедж, Готфрид Арнольд. «Все трое имели личный опыт, почти такой же, как мой, и это самое интересное, но в теософии довольно слабы, следуют Бэму, но ниже его. Я думаю, София возилась с ними больше за их невинность, чем за что-нибудь другое»², — напишет он граф. С.А. Толстой. И третье видение в Фиваидской пустыне, где его ограбили бедуины. Это видение после перерождается в образ Прекрасной Дамы в поэзии Блока, первый поэтический сборник которого, «Стихи о Прекрасной Даме», вышел с посвящением Владимиру Соловьёву.

² Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. II. Под ред. Э.Л. Радлова. Санкт-Петербург, 1909. С. 200.

Написанный в Каире черновик диалога начинается с разговора Софии с философом:

«София. Между окаменелым Востоком и Западом, который разлагается, отчего ищешь ты живого среди мертвых?»

Философ. Смутная грёза привела меня на берег Нила. Здесь, в колыбели истории, я думал найти какую-нибудь нить, которая через развалины и могилы настоящего связывала бы первоначальную жизнь человечества с новой жизнью, которую я ожидаю.

София. Наивная выдумка. Жизненная нить не привязана к географическим областям.

Философ. Я тоже бросил эту идею довольно быстро. Я оставил мертвецам хоронить мертвецов, и все мои чаяния отныне устремлены к тем областям, где жизнь не прекращается»³.

Поэтический контекст «Трёх свиданий» и этот диалог, написанный на французском языке, по сути говоря, об одном и том же: откровение является для Соловьёва источником его мысли, жизни, философии. Свиданий на самом деле было не три и не четыре, как считает Фёдор Степун на основе единственного художественного рассказа Соловьёва «На заре туманной юности». О том, что свиданий могло быть гораздо больше, свидетельствует наличие рукописей философа с элементами медиумического письма: искажение почерка, упоминание имя «София» и последующая диктовка, похожая на запись спиритического сеанса, которыми в своё время увлекался Соловьёв. София была для Соловьёва реальной личностью, вступавшей с философом в диалог. Одной из своих близких подруг, Софье Мартыновой, Соловьёв объяснял в письме, *что такое* София: «Это мы с Богом, как Христос есть это Бог с нами... Бог с нами, значит он активен, а мы пассивны, мы с Богом — наоборот, он тут пассивен, он — тело, материя, а мы — воля, дух»⁴. Для Соловьёва

возвышенное отношение к Софии, вечной женственности, — это главная тема жизни и философии. Жизненные интуиции выражались в поэзии, но не могли найти полноценного воплощения, ведь поэзия является уже неким эрзацем переживания, а, как известно, «мысль изреченная есть ложь», поэтому и попытки конвертации мистического опыта на язык философии сталкивались с некоторыми проблемами. В опубликованных работах Соловьёва упоминаний Софии крайне мало, они присутствуют преимущественно в неизданных рукописях. В «Чтениях о богочеловечестве» седьмую лекцию он читает о Софии, а потом публикует другой, видоизменённый текст. На этой лекции, кстати, присутствовал Лев Николаевич Толстой, — и остался ею крайне недоволен, даже ушёл, не дождавшись её окончания. Много лет спустя, в 1901 г., в устной беседе, Толстой с неодобрением вспоминал об этой лекции: «Он перечислял, как будто он священник, длинный ряд серафимов, херувимов и прочих служителей неба. Можно было подумать, что он сам видел их»⁵. Толстой скептически воспринимал присущий философу религиозный мистицизм, отрицая богочеловечность Христа, понимая христианство как нравственное учение. София же при этом встречалась у гностиков. Соловьёв как бы стеснялся, оставляя Софию для «ночной» стороны творчества. Такая интуиция — попытка помыслить человечество как единую личность, в которой отражены все человеческие поколения, все судьбы истории. Эту Софию он воспринимал как душу человечества. О человечестве мы можем сказать так: это понятие объёмное, но с маленьким содержанием. Соловьёв перевернул этот логический закон обратного соотношения объёма и содержания понятия (впрочем, законом с точки зрения современной логики его можно назвать с достаточной степенью условности), наиболее индивидуальное становится наиболее

³ Соловьёв В.С. София. Пер. с франц. А.П. Козырева // Соловьёв В.С. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Сочинения. Т. 2. 1875–1877. Москва: Наука, 2000. С. 75.

⁴ Соловьёв С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977. С. 311.

⁵ Борисова И.В. Чтения о Богочеловечестве. Примечания // Соловьёв В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Сочинения. Т. 4. 1878–1882. Москва: Наука, 2011. С. 560.

универсальным, личность становится всем. Это можно, конечно, отнести сугубо к соловьёвской мистике. Но идеалисты, искавшие программу для социальной революции: Мережковский, Струве, Бердяев, Булгаков, Франк, обратились к его наследию. Для них Соловьёв стал фигурой, отменившей Маркса, ведь Маркс ничего не говорил от личности. А русский философ смог объединить индивидуальное и универсальное: личность — абсолютно индивидуально и абсолютно универсальное. Так его учение о Софии становится некоей программой политических и гражданских реформ для идеалистов начала XX в., обоснованием личного достоинства и прав человека. Карташов вспоминал, что в киевском кабинете Сергея Булгакова сначала висел портрет Маркса, потом рядом возник портрет Соловьёва, затем исчез портрет Маркса. На этом примере можно увидеть смену культурных парадигм.

Далее. Соловьёв в определённом смысле основал русский либерализм и философию права (право человека на достойное существование, критика смертной казни). Работы, написанные Соловьёвым в 1890-ых гг., стали политической и юридической импликацией тех идей «органической логики», которые были заложены в его работах 1870-ых гг. П.И. Новгородцев вообще назовёт Соловьёва основателем московской школы философии права. Соловьёв мыслит право как способ обеспечить в обществе «минимум добра», связывает право и нравственность, основывая право на моральном императиве, от которого его нельзя отвязать, иначе правовая норма вырождается, превращаясь в нравственный фетиш. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он *до времени* не превратился в ад»⁶ — писал Соловьёв.

Мы затронули эсхатологию Соловьёва, выраженную в «Трёх разговорах», его философию права, теперь надо сказать о его религиозной метафизике, поскольку

после Соловьёва мы имеем дело с целым явлением русской религиозной философии. Это явление конечно не исчерпывает всю русскую философию. Шпета мы с трудом можем включить в эту линию, хотя если мы прочтём его письма, то убедимся, что он не меньше других русских философов задавался вопросами существования трансцендентного. Феномен русской религиозной философии через братьев Трубецких, Сергея и Евгения, после — через Сергея Николаевича Булгакова, который становится неутомимым пропагандистом наследия Владимира Соловьёва на все предреволюционные годы, транслируется в разные группы и сообщества, которые в разной мере и в разных формах соотносятся с религиозной философией. Это, например, Франк, Лосский, Флоренский, Лосев, символисты, имяславцы. Влияние Соловьёва можно проследить в некоей оппозиции богословию Булгакова и Флоровского. И Флоровский, и Булгаков были в своём роде пришельцами в мир богословия. Существует академическая карьера, традиционная стезя становления богословом, начиная с учёбы в духовной семинарии, а есть так называемые поповичи, пришедшие «из мира». Булгаков — крупнейший русский богослов XX в., защитивший магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие»; свою докторскую диссертацию «Философия хозяйства» он защищал по политической экономии, после — написал несколько философских работ («Свет Невечерний», «Трагедия философия»). И только оказавшись в эмиграции Булгаков стал профессиональным богословом, заведующим кафедрой догматического богословия в Париже.

Флоровский Георгий Васильевич был родом из Елисаветграда Херсонской губернии. Окончил Новороссийский университет в Одессе по философии. Первое магистерское сочинение было посвящено античной комедии, а первая публикация вышла в 1913 г. в Новороссийском университете под заглавием «Новые книги о Владимире

⁶ Соловьёв В.С. Право и нравственность. Минск-Москва: Харвест-Аст, 2001. С. 42.

Соловьёве». Преподавал в Русском научном институте в Праге, написал и защитил под руководством Новгородцева диссертацию по исторической философии Герцена, бого-словом же стал в известной степени случайно. В Парижском богословском институте, который был организован русскими эмигрантами в 1924 г., некому было читать патрологию, а кандидатуру петербуржца Карсавина отвергли. Тогда Булгаков пригласил своего духовного сына Флоровского из Праги, чем по сути предопределил его дальнейшую научную судьбу. Из Праги Флоровский писал Булгакову о своих занятиях Владимиром Соловьёвым, это был 1926 г.: «Пробую приняться за писание о Соловьёве. При личном свидании я рассчитываю иметь возможность прочесть Вам уже готовые главы. И в ходе работы передо мной обнаруживаются всё новые доводы в пользу моего понимания философского дела и творческого пути, и философского дела Соловьёва. В конце концов, для церковного сознания он остаётся “внешним” как бы мы его ни любили, и как бы мы ни были (и ни должны были бы быть) ему благодарны. Всё же он не был церковным мыслителем, а вольным теософом, “дивинистом”, как любил называть себя Сен-Мартен. Религиозная метафизика Соловьёва — это ещё не философское исповедание церковного опыта, а умозрительное построение романтической души. Его еkkлeзиология бедна и невыразительна, я чувствую себя в силах спокойно и объективно оправдать такой приговор»⁷. Позже — следующее письмо: «Скажу резко: у Соловьёва *всё лишнее*, а с тем вместе *главного нет вовсе*. Просто всё на другую тему и потому не на тему. Всё лишнее. Думаю, что и Вам Соловьёв долго мешал отыскать главное. А для отыскания надо идти чрез христологию, а не чрез тринитологию, ибо только во Христе Иисусе “ройческое явися поклонение”. Смысл здесь в том, что только

из истории, из исторической эмпирии, мы в состоянии понять тварность твари и вечность мысли — воли о твари. При обратном ходе тварь обожествляется, и этот процесс получает не благодатный, а “натуральный” порядок»⁸. Смысл в том, что София есть та природа (в Боге, а затем в творении), которая предопределяет мир ко спасению, как считал сам Соловьёв: «То, чего ждёт и таится природа, Вам не замедлить не одолеть»⁹. Софиология получается неким зеркальным отражением идеи прогресса с его детерминизмом и всеобщим спасением в конце истории. Это пишет молодой Флоровский Булгакову, своему духовному отцу, уже священнику к тому времени. А вот что пишет Булгаков, его черновик о Владимире Соловьёве, датированный 13 февраля 1924 г., большой текст из шести пунктов, ясно, что это — набросок большой статьи, в которой Булгаков смотрит на Соловьёва с церковной точки зрения и пытается его оправдать: «Соловьёв и проблема *религиозной философии*, *Ars philosophandi*: “созерцание и умозрение”. Русский, православный тон философии, отличный от мнимо-беспредпосылочного протестантского: если Кант — ключарь западной философии, родившийся от схоластики, то Владимир Соловьёв, *mutatis mutandis*, то же для русской. Его философские труды... суть только опыты, но в них *осознаны* проблемы *религиозной философии*. Это не было абсолютно новым (Сковорода, Юркевич, Кудрявцев), но это является основным для нашего поколения, и за ним следуют Трубецкие, московская группа и молодые. Фактически Соловьёв не был свободен от западной философии (как и Хомяков, и славянофилы), но он и не стремился к обособлению. Воскресший в нём *платонизм*, как подлинная, родная стихия русского философствования. Сейчас философия становится для нас непонятой роскошью, живём без философии,

⁷ Г.В. Флоровский — С.Н. Булгакову. Письма// Софиология и неопатристический синтез. Богословские итоги философского развития. Сост. К.М. Антонов, Н.А. Ваганова. Москва: ПСТГУ, 2013. С. 134–135.

⁸ Там же. С. 143–144.

⁹ Стихотворения Владимира Соловьёва. Издание третье, дополненное. Санкт-Петербург, 1900. С. 50–51.

но, когда придёт возвращение к ней, это будет возвратом именно к Соловьёву, не в его учении, но в проблематике»¹⁰.

Это такой незримый спор. Из Булгакова рождается софиологическое богословие, софиологический синтез, вот кто подлинный софиолог русской философии, построивший на идее Софии сначала малую трилогию, потом большую трилогию, затем схлопочет за продолжение разработки идеи соловьёвской Софии обвинение в ереси со стороны Московской патриархии и Карловацкого Синода. Флоровский, который будет критиком софиологии, будет всячески стараться опровергнуть, но не публично, поскольку Булгаков ему дорог. Он даже устранился от работы в комиссии по делу протоиерея Булгакова, чтобы не вступать в идейную конфронтацию со своим духовным отцом. Недавно вышла книжка, подготовленная нашей польской коллегой, Лилианой Киейзик, это письма Георгия Флоровского его брату Антону. Письма 1950-ых – 1960-ых гг.: Флоровский уже профессор американских университетов. На свой курс он принимал только тех, кто хорошо знал три основных европейских языка и два мёртвых. Это был человек высочайшей научной культуры. И вот Флоровский, который по всей линии отмежевывался, отказывался от Соловьёва, исследовал его наследие всю свою жизнь, включая неопубликованные труды. Флоровский реконструировал устный текст «Чтений о богочеловеке», опубликовал текст «Умное делание» — подражание масонскому трактату в виде вставного фрагмента в роман Алексея Феофилактовича Писемского «Масоны» по его заказу (сын Писемского учился с Соловьёвым в одном классе первой московской гимназии). Флоровский разыскивает этот текст, публикует его, анализирует, находит четыре неизданные статьи из «Вестника Европы», включая рецензию Соловьёва на диссертацию Трубецкого. Флоровский разыскивает неизвестный текст

Соловьёва о Белинском, это поразительно, но практически в каждом письме брату Георгий Васильевич упоминает Соловьёва. Из советских архивов выуживает в США материал, следя за всеми публикациями, посвящёнными наследию Соловьёва, на иностранных языках. В ряду европейских исследователей Соловьёва Флоровского нужно ставить на первое место. Это удивительно, но это так.

Вот ещё одна книга, это — Фёдор Августович Степун. Один из немногих русских эмигрантов, которому удалось стать профессором в Германии, сначала в Дрездене, а потом в Мюнхене. Он был одним из основателей международного философского журнала «Логос», его диссертация, защищённая в 1910 г. в Лейпциге, была посвящена Владимиру Соловьёву. Степун взял себе за послушание рассказывать о русской культуре немцам на немецком языке. Одна из его поздних немецких книг называется «Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма», есть перевод на русский язык. Здесь пять портретов: Блок, Белый, Соловьёв, Вячеслав Иванов и Бердяев. Написано не без огрех, видимо, не было возможности обращения к первоисточникам, но ценно личное отношение. Молодой Степун ратовал за неокантианство и научную философию, а значит был в кругу тех, кто представлял оппозицию соловьёвской линии. Но со временем Степун отошёл от сциентизма, стал заниматься философией творчества, театра. А его мемуары «Бывшее и несбывшееся» можно считать лучшей книгой о философии Серебряного века. Степун участвовал в Первой мировой войне в качестве прапорщика-артиллериста, был ранен и переведён в госпиталь, где у него было время написать «Из записок прапорщика-артиллериста» — это одна из самых антивоенных книг в русской литературе.

И тем более интересно его мнение о Соловьёве, высказанное уже в поздний период жизни: «Под влиянием его революци-

¹⁰ Булгаков С., прот. О Вл. Соловьёве // Козырев А.П. Соловьёв и гностики. Москва: С.А. Савин, 2007. С. 394.

онных идей, внесённых им — мистиком и гностиком — в традиционное вероучение церкви, возникла в высшей степени значительная, хотя и еретическая, философия религии Бердяева, а также софийные концепция теологических систем Булгакова и Флоренского»¹¹. «Соловьёв был одним из первых людей XX века, сменивших корни на крылья». Хорошо сказано, одно только но... До XX в. Соловьёв не дожил. 1900 г., год его смерти, был последним годом века XIX-го! Но и то правда, без Соловьёва русский религиозный ренессанс не мыслим.

Я ещё одно имя упомяну, поскольку рецепция Соловьёва происходила не только среди единомышленников или богословов. Вот Александр Кожев, он же Кожевников, это потом он сократил и офранцузил свою фамилию. Есть его книга «Атеизм», где опубликован мой перевод с французского его большой статьи о религиозной метафизике Владимира Соловьёва¹². Его диссертация, защищённая в 1924 г. в Гейдельберге у Карла Ясперса, до сих пор не издана в полном объеме. Кожев, будучи двадцатичетырёхлетним юношей, пишет и защищает диссертацию о Владимире Соловьёве. И почему ему интересен Соловьёв? Кожев симпатизировал буддизму и не мог принять догмат воскресения Христова. Вроде он и за христианскую перспективу богочеловечества, прогресса, но Христос и Воскресенье — это то, что его не устраивает. Кожев — один из главных теоретиков конца истории. Фрэнсис Фукуяма, по сути, ученик и продолжатель Жекова. Просматривается гегельянская линия: конец истории здесь не эсхатологический, история оканчивается, потому что вошла в свою зрелость, исчезли противоречия, наступило гражданское общество, где условием свободного развития каждого является свободное развитие всех. «Сова Минервы вылетела в сумерки», наступает конец истории. И Кожев, открыв-

ший французам Гегеля, читавший в Сорбонне лекции о феноменологии духа, начинал как исследователь Соловьёва, весьма подробно и оригинально излагая учение Соловьёва о Боге и о мире. Это показатель того, что наследие философа воспринимается не только его сторонниками и последователями. Как говорил Виктор Шкловский, в литературе (да и в философии тоже) часто наследство передаётся не от отца к сыну, а от дяди к племяннику.

Сессия вопросов и ответов

В.П.: Я думаю, что очевидна из этой лекции духовная независимость Соловьёва от каких-либо догм. И под духовной независимостью я имел ввиду свободу от психологического и духовного плена, в котором мы оказались. Мне кажется, что из сегодняшней лекции было ясно, что Владимир Сергеевич Соловьёв указывает нам один из путей духовной свободы.

— Скажите, пожалуйста, насколько известно, в соловьёвской идее христианского всеединства человечества во многом присутствует инерция мысли Достоевского о том, что мы все должны объединиться, отставить противоречия. И у Достоевского это возможно через Россию, через душу и русское самосознание, так осуществляется переход к христианскому всеединству. Чем принципиально такая мысль отличается от роли России в проекте Соловьёва, и как может эта идея о миссии России пересекаться с евразийской мыслью, в частности с современной, например, с Дугиным Александром Гельевичем, как эта преемственность отображается?

А.К.: Александр Гельевич тоже немного «теософ-дивинсит», в его «Ноомахии» представлены эзотерические планы истории, но Вы совершенно правильно прочертили линию Достоевский — Соловьёв. Достоевский

¹¹ Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012, пер. с нем.

¹² Кожев А. Религиозная метафизика Владимира Соловьёва. Пер. с франц. А.П.Козырева // Кожев А. Атеизм и другие работы. Москва, Праксис, 2006. С. 175–257.

выступает с Пушкинской речью и умирает вскоре после этого. В рамках этой речи он декларирует тезис о всемирной отзывчивости Пушкина и русского человека. Кто такой русский человек? Это не европеец — первый этап Пушкина, это не славянофил в чистом виде — второй этап Пушкина, а это человек, который в национальном может увидеть всечеловеческое. Всемирная отзывчивость — это то, что запомнилось из этой речи. Правда, для Достоевского это никак не связано с его отношением к западной церкви, он был враждебно настроен по отношению к католицизму. «Великий инквизитор» — прежде всего памфлет на католическую церковь. Соловьёв и Достоевский дружили, ездили вместе в Оптину Пустынь, когда Достоевский начинал писать «Братьев Карамазовых». Соловьёв это и Алёша в известной степени и, как говорила Анна Григорьевна Достоевская, в большей степени, Иван. У Соловьёва идея всемирной отзывчивости перешла в экуменическую открытость, и не только католицизму, она включала и протестантизм, и иудаизм: Соловьёв, умирая, молился за еврейский народ. Один из самых известных его текстов «Еврейство и христианский вопрос», отчёты о его университетских лекциях по еврейскому вопросу публиковались в журнале «Русский еврей». Евреи воспринимали Соловьёва как защитника от рестрикционных законов Александра III о черте оседлости. Здесь — широта русского сердца, которое должно всех вместить в себя. Никто не должен остаться вне этой всеохватывающей любви. А евразийство это, конечно же, продолжение линии Н.Я. Данилевского, цивилизационного подхода, который органичивает, делает цивилизационную выборку: для евразийского проекта ислам и Великая степь гораздо роднее католического Запада. Удивительно, что придумал евразийство Николай Трубецкой: «Европа и человечество». Он был сыном Сергея Трубецкого, ближайшего ученика Владимира Соловьёва. Если говорить на языке теории рукопожатий, то их разделяет всего одно рукопожатие. Но евразийство по своей культурологической и морфологической модели противоположно линии Соловьёва.

— Вы говорили, что Соловьёв, с од-

ной стороны, был противником цивилизационного подхода, но и противником позитивистской концепции о наличии магистрального пути к прогрессу.

А.К.: Да, Соловьёв был противником тезиса позитивистов об отмирании религии и философии, когда остается лишь чистая позитивная наука. Соловьёв считал, что ничего не отмирает, ни религия, ни философия. Человек познает мир многообразным. Да и в политическом отношении он отличался от западников, потому что, несмотря на все свои разногласия с российской властью и русской церковью, которую немало критиковал, Соловьёв остается монархистом. Его концепция монархическая — царство, ограниченное священством и пророчеством (по сути, гражданское общество). Пророк для него — Достоевский. В плане его политической концепции очень важно его стихотворение «Ex oriente lux» (189), «С Востока свет»:

«С Востока свет, с Востока силы!»
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладу дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга
Стезю славную прошёл?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орёл.

И силой разума и права —
Всечеловеческих начал —
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.

Чего же ещё не доставало?
Зачем весь мир опять в крови?
— Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!

И слово вещее — не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливаясь широко,
Исполнен зна́мений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.

О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?¹³

Это ключевая фраза, говоря о Востоке, мы должны помнить, что есть разный Восток! Соловьёв имеет в виду Ближний Восток, Иерусалим, а не Японию и Китай. И судьба России зависит от выбора христианства или противопоставления себя всему христианскому миру. Наверное, этим и отличается религиозное западничество от западничества нерелигиозного. Если мы будем говорить о Чаадаеве, то ведь он тоже не был западником в чистом виде, это человек, который опирается на средневековое христианство, на его идею построения христианского царства — града Божия на земле, как писал Августин. Да, это не западничество. Сам Соловьёв скажет про себя: «И, бедное дитя, меж двух враждебных станом, тебе приюта нет». Он понимал своё положение *между*, он не свой ни у тех, ни у тех, как всегда бывает с великими, с гениями. Попробуй вписать гения в пространство одной политической идеологии, одностороннего политического мировоззрения. Например, Достоевский. В «Дневниках писателя» это достаточно консервативный мыслитель. Если взять Достоевского «Времени» — это почвенник как Страхов, Аполлон Григорьев. Но если взять Достоевского «Братьев Карамазовых», вот попробуй здесь дать ему политическую оценку, он ломает все перегородки. Чем больше человек философ и чем меньше идеолог, тем сложнее его куда-то вписать, ведь идеология отличается от философии бинарностью мышления. Идеология — это не плохо и не хорошо, но нель-

зя быть идеологом, если ты не рисуешь мир в чёрно-белых красках. Философ никогда не будет управлять государством, — если его поставить, он задумается и всё проиграет, но, наверное, он должен быть рядом, с ним должны советоваться. Флоровский писал о судьбе Владимира Соловьёва, что 1870-ые гг. жизни философа известны очень хорошо. С.М. Лукьянов написал фундаментальную биографию Владимира Соловьёва в молодые годы в четырёх томах¹⁴. Лукьянов — обер-прокурор синода. 1880-ые гг. описаны в книге 1935 г. русского эмигранта, профессора ряда французских университетов и узника Бухенвальда Дмитрия Стрёмухова «Владимир Соловьёв и его мессианское творчество»¹⁵, она написана по-французски. Довольно подробно взаимоотношения с иезуитами описаны у Сергея Михайловича Соловьёва, а про 1890-ые гг. мы очень мало знаем, и о правом круге общения Соловьёва, с которым он сблизился. В «Исследованиях русской мысли», в девятнадцатом томе опубликованы воспоминания князя Оболенского о Соловьёве. Из этого круга Эспер Эсперович Ухтомский, дипломат, человек, который совершил с цесаревичем Николаем, будущим императором, кругосветное путешествие, и издал в двух частях его описание. Он был рядом с Николаем в тот день, когда японский полицейский ударил его по голове шашкой и чуть не убил будущего царя, рассёк ему череп. Ухтомский был одним из близких друзей позднего Соловьёва. До евразийцев уже смотрели на Восток и считали, что Россия должна переориентировать свою дипломатию на Восток, этих людей называли в исследовательской литературе «восточниками»: С.Н. Сыромятников, Э.Э. Ухтомский. И Соловьёв в 1890-ые гг. ушёл от либерального круга Стасюлевича к весьма консервативному кругу российской политики. Об этом мало написано. Всеобъемлющей биографии Соловьёва пока ещё нет. О Соловьё-

¹³ Стихотворения Владимира Соловьёва. Издание третье, дополненное. Санкт-Петербург, 1900. С. 50–51.

¹⁴ Лукьянов С.М. О Владимире Соловьёве в его молодые годы. Репринтное издание. В 3-х книгах, Москва: Книга, 1990.

¹⁵ Strémooukhoff D. Vladimir Soloviev et son oeuvre messianique. Lausanne, L'Age d'Homme, 2 éd., 6/r.

ве можно писать, как о метафизике, а можно писать как об общественной деятеле, вписанном в историю дипломатии. Любовь его жизни — София Петровна Хитрово (Бахметьева) — была приёмной дочерью Алексея Константиновича Толстого, которого Соловьёв никогда лично не знал, поскольку познакомился с его вдовой уже после смерти Алексея Толстого. Софья Петровна была внебрачной дочерью своей матери. Она была записана на брата матери в целях избежания позора. Она считалась племянницей Софьи Андреевны Толстой, но в действительности была её дочерью. Соловьёв её любил. А она была замужем за Михаилом Александровичем Хитрово, дипломатом Российской Империи, посланником в Японии и Португалии. В историю дипломатии Соловьёва можно определённым образом вписать. Тем более в 1877 г., когда началась русско-турецкая война, М.Н. Катков, который издавал «Московские ведомости» и «Русский вестник», отправил Соловьёва военным корреспондентом на фронт. И Соловьёв поехал, заехав перед этим в имение Толстых Красный Рог, что описывал оказавшийся там писатель Леруа-Больё. Соловьёв отправлялся на фронт в красных шароварах, с цветами в одной руке, пистолетом — в другой. Философ доехал-таки до линии фронта в Болгарии, до Свиштово, написал одну корреспонденцию и вернулся назад, так не понюхав порошу. Возможно, он внял совету командующего, ведь Соловьёв ничего не понимал в военном деле и плохо подходил на роль «военкора».

— Вот с Вашей точки зрения, это медиумическое письмо, оно было как-то связано с определённым состоянием Владимира Сергеевича, сходным, наверное, с пушкинским. То есть определённое количество, когда получается автоматика. Возможно это или нет?

А.К.: Вы хотите сказать про воздействие алкоголя?

— В какой-то мере, как часть его образа жизни.

А.К.: У Соловьёва очень разноречивая репутация. Одни вслед за Блоком считали его аскетом, рыцарем-монахом, чуть ли никогда не знавшим женщин. Другие, напри-

мер, митрополит Антоний Храповицкий, считали его пьяницей. Но в воспоминаниях Оболенского есть интересный эпизод: Соловьёв очень любил дружеские обеды, рестораны, был неплохим гастрономом, разбирался в пище и вине и подсказывал своим друзьям что заказать. Крепких напитков он, видимо, не пил, но к шампанскому и вину относился хорошо. У него даже было антитолстовское стихотворение:

Отказаться от вина —
В этом страшная вина;
Смелее пейте, христиане,
Не верьте старой обезьяне.

Я думаю, что это состояние, в которое он впадал, было подобно самогипнозу и связано с особенностями его психической жизни, его внутреннего мира, он был очень неврастеничен. Работая с рукописями, можно видеть, как обычное письмо переходит в письмо медиумическое: это подобно накачиванию. Именно порыв, творческое наитие, и один текст перерастает в другой тип текста. Тем более, медиумическое письмо напоминает спиритический сеанс, две записи подписан как «Памфил» — Памфил Данилович Юркевич, учитель Соловьёва, профессор философии Московского университета, умерший от рака в год защиты Соловьёвым магистерской диссертации. Так для него продолжалось общение с учителем. Так что, я не думаю, что это напрямую связано с алкоголем или скипидаром, который тоже мог привести к некоторым изменённым состояниям из-за частого использования этого вещества Соловьёвым якобы для дезинфекции.

— Алексей Павлович, вопрос касательно точности некоторых проектов Соловьёва, касающихся объединения власти русского царя с влиянием римского Папы. Лев XIII, получив от Штрассмайера французскую брошюру Соловьёва под заглавием «Русская идея», сказал по-итальянски: «Bella idea, ma fuor d'un miracolo è cosa impossibile» («Прекрасная идея, но без чуда она невозможна!»). Насколько, с Вашей точки зрения, у Соловьёва отсутствовало признание точного факта, точных позиций, ведь есть вещи совершенно невозможные?

А.К.: Как раз Розанов считал Соловьёва реалистом по сравнению с Достоевским. Соловьёв призывал к практическому делу. Он общался с конкретными делателями этого процесса: хорватским епископом Штрессмайером в Загребе, каноником Франьо Рачки, рядом русских иезуитов — отцом Павлом Пирлингом, отцом Иваном Мартыновым. Он входил во взаимодействие с реальными представителями католической церкви, которые были весьма влиятельны. Не только с русскими католиками, но и, например, со Штрессмайером, который был не просто епископом, но и вдохновителем реформ в католичестве, стремившийся к объединению славян. На него делали ставку. После выхода в Париже «России и Вселенской церкви» в 1889 г., Соловьёв перестал быть интересен иезуитам, когда он стал протаскивать свои метафизические гностические проекты. То есть, Соловьёв стал работать не по программе. Когда он пишет о соединении церквей, он изучает историю церкви, акты соборов и приводит рабочие аргументы в пользу того, что *filioque* не осуждалось ни одним вселенским собором и может рассматриваться как

догматический вариант. Логике аргументации Соловьёва можно анализировать, она не фантастична. Тем более, были прецеденты — кардинал Джордж Генри Ньюмен, перешедший из англиканства в католичество, оксфордское движение в XIX в. Так что это было дерзкое, но не лишённое исторического контекста явление. Особенно, если вспомнить генерала А.А. Киреева, который вёл переговоры со старокатоликами, не принявшими догмат о непогрешимости папы, касательно их присоединения к православию после первого Ватиканского собора. Соловьёв здесь свой проект формулирует и создаёт на фоне современной ему церковной политики, которой занимался истеблишмент Российской Империи. Его учение о церкви тоже вписывается в определённые богословские споры этой эпохи. Здесь требуется историк, в равной степени способный работать с историко-церковным, философским, богословским материалом — для того, чтобы объективно рассмотреть и разобрать проект Соловьёва. Поскольку и документы ещё не все изданы, рано говорить о завершении исследования наследия Владимира Соловьёва.

Scientific Life

VLADIMIR SOLOVYOV: THE PHILOSOPHY OF THE LAST CLASSIC. LECTURE

Alexey P. Kozyrev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
info@philos.msu.ru

Abstract. The article was prepared on the basis of an open lecture given on April 8, 2022 at the Center Church and International Relations MGIMO of the acting Dean of the Faculty of Philosophy of Moscow State University A. P. Kozyrev. The article raises the question of the significance of the legacy of Vladimir Sergeyevich Solovyov (1853–1900) in Russian philosophy. It is argued that Vladimir Solovyov was a man of the universal, ecumenical type. The author characterizes Solovyov's philosophy as the completion of European philosophical systematics, noting the syncretic nature of his teaching and the influence of Platonism, Gnosticism, Hermeticism, and early Christianity on the thoughts of the *Origin of the 19th century*, as Solovyov's contemporaries called him. He also cites the character-

istics of Solovyov's thought given by individual contemporaries and representatives of subsequent Russian philosophy — S. N. Bulgakov, G. V. Florovsky, F. A. Stepan, A. Kozhev and others. In answers to questions at the end of the lecture, a number of essential provisions on works and personality of V. S. Solovyov are clarified. According to the thinker, the fate of Russia depends on the choice of Christianity or opposing oneself to the entire Christian world. For him, there is a distinction between religious Westernism and non-religious Westernism. A.P. Kozhyrev subsumes P. Ya. Chaadaev to the type of *religious Westerner*, since P. Ya. Chaadaev based his ideas of building a Christian kingdom — the city of God on earth, as Augustine wrote on medieval Christianity. Solovyov *per se* considered himself somewhere in between. A genius cannot be limited to one political ideology, narrow political worldview, a genius does not think in *black and white* the categories. It makes Solovyov's idea that there are not only different *West*s, but different *East*s — China, Japan, and above all the Middle East, Jerusalem — as well. The nature of these and similar constructions allows us to see in Solovyov not only a taxonomist, but a religious philosopher, who argues that a metaphysical lever is necessary to fight evil. It is not for nothing that Solovyov begins *Three Conversations* with a reflection on whether evil is only a lack of good, a kind of ghost that can easily be eliminated, or whether evil is a real force with its own substance and its essence, and can be defeated not by abstract good, but by the God-man. Therefore, *Three Conversations, Including a Short Story of the Anti-Christ* is not just a prophecy about the finale of world history, where the Antichrist appears under the guise of a socialist, humanist and philanthropist, he is a politician, president of the United States of Europe, ready to open sacristies to the Orthodox and return the papacy to Catholics, Protestants create an institute for the study of the Bible, you just have to worship him as God. This idea of fake good is destructive for life itself. All that glitters is not gold — this is the maxim of *Three Conversations*. Good is determined not by the amount of goods that a person produces, but by the name for which they are done, what is put at the forefront. Solovyov, in a certain sense, founded Russian liberalism and the philosophy of law (the human right to a dignified existence, criticism of the death penalty). P. I. Novgorodtsev will call Solovyov the founder of the Moscow school of legal philosophy. Solovyov thinks of law as a way to ensure a *minimum of good* in society, connects law and morality, basing law on a moral imperative, from which it cannot be decoupled, otherwise the legal norm degenerates, turning into a moral fetish. "The task of law is not at all to turn the world lying in evil into the Kingdom of God, but only to ensure that it does not turn into hell before the time comes," wrote Solovyov.

Acknowledgements: The author expresses his gratitude to the Head of the Centre *Church and International Relations* (MGIMO), PhD in History, Associate Professor V. V. Pechatnov for his help in organizing the lecture and preparing its publication.

Информация об авторе

Алексей Павлович Козырев — кандидат философских наук, доцент, исполняющий обязанности декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский» (Россия)

Information about the author

Alexey P. Kozhyrev — PhD in Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991 (Russia)